Конан Дойл

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Артур Конан Дойл - всемирно известный английский писатель, один из создателей детективного жанра, автор знаменитых повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе.

- Дойль Артур Конан
  - ○
- notes
  - ○ 1

Дойль Артур Конан
Мои приключения в полярных морях
Автобиографический рассказ Артура Конан-Дойля

Это было ранней весной 1880 г., в один из тех холодных пасмурных дней, какие часто бывают в Шотландии. Я сидел в своей маленькой комнате в Эдинбурге и усердно готовился к экзаменам. Я был студентом-медиком, и весной у меня должен был быть выпускной экзамен.

Погруженный в свои занятия, я вдруг услышал стук в дверь, и в комнату вошел один из моих друзей, также студент-медик, Карре.

— Артур, не хочешь-ли отправиться через неделю в полярное море на китобойные промыслы? — спросил Карре.

— Предложение было столь неожиданно, что я ничего не мог сообразить.

— На китобойные промыслы?.. В полярное море?.. — машинально повторил я.

— Ну, да, — ответил Карре. — Ты будешь получать жалованье — два фунта стерлингов в месяц

в качестве судового врача, — и, кроме того, по два шиллинга с бочки добытого китового жира.

— Ничего не понимаю, — сказал я. — Почему я буду врачом на китобойном судне?

— Да очень просто, — ответил Карре. — Я заключил условие с капитаном одного китобойного судна, отправляющегося на будущей неделе на промыслы, но мои семейные обстоятельства не позволяют мне отправиться, и теперь я ищу себе заместителя. Я думаю, что для тебя это будет самым подходящим занятием.

— Но у меня нет ничего, что нужно для плавания по полярным морям, — пробовал было возразить я. — Кроме того, это так неожиданно, через несколько дней, подожди, — дай мне подумать.

— Ну, что же раздумывать, — настаивал Карре. — У меня все заготовлено для путешествия, и тебе ни о чем не нужно беспокоиться. Решайся, и пойдем сейчас на пароход, я познакомлю тебя с капитаном и представлю тебя, как своего заместителя.

После нескольких секунд колебания я согласился и, таким

образом, перевел свою жизнь на новые рельсы.

* * *

Через неделю я был уже в Питерхэде и раскладывал свой багаж в маленькой каюте китобойного судна "Надежда". Через несколько дней мы отправились на север.

На нашем пароходике было 50 человек экипажа. Почти половина матросов были жители Шотландских островов. Все они отличались хладнокровием, энергичным характером и выдержанностью. Народ был молодой и здоровый, так что мне, как врачу, работы не было никакой. Мои занятия свелись, в конце-концов только к тому, чтобы проводить время вместе с капитаном и выслушивать рассказы о его плаваниях.

Мы отправились в море из Питерхэда 21 февраля 1880 г. Когда мы очутились в открытом море, ветер стал крепнуть, и вскоре разразилась буря. Корабельные снасти трещали, и наш маленький пароходик бросало из стороны в сторону, как щепку.

К счастью, нам удалось добраться до Шотландских островов раньше, чем буря достигла своего предела. Мы укрылись в бухте Лервика, и там вынуждены были отстаиваться до 11 —го марта, пока не установилась хорошая погода.

Д-р Артур Конан-Дойль, популярный английский писатель.

11-го марта мы снова вышли в море и взяли курс на север. Что меня больше всего поражало с первого раза, это — сравнительная близость полярных морей от Англии. Нужно было всего несколько дней, чтобы попасть в область полярных льдов. Раньше я как-то не представлял себе, что это так близко: через четыре дня плавания от берегов Шотландии мы уже встретили на море пловучие льды. Однажды рано утром я проснулся от сильного удара в борт парохода. Не понимая в чем дело, я быстро оделся и выбежал на палубу. Моим глазам представилась

необычайная картина. Все море было покрыто плавающими льдинами. Ослепительная белизна льда резко выделялась на темой синеве моря. Прибавьте к этому светло-голубое небо, удивительную чистоту и прозрачность полярного воздуха и полнейшую тишину. Все это создавало незабываемую картину.

На одной из больших льдин, плавно покачиваемой волнами, я увидал огромного тюленя с блестящей кожей и большими глазами. Тюлень невозмутимо смотрел на наш пароход и не испытывал, повидимому, никакого страха. Он как будто бы знал, что охота на тюленей начнется только через три недели.

Наконец, наступило 3-е апреля, мы приступили к охоте. Охота за тюленями — не более жестокое дело, чем всякая другая охота. И все же огромные лужи красной крови на ослепительной белизне льда, под голубым сводом неба, казались мне дикими и ненужными.

До сих пор мне памятен мой первый день охоты. Он памятен мне еще потому, что я едва не погиб сам в волнах полярного моря. Стоял ветреный день. На море были сильные волны. Капитан и часть матросов отправились в лодках на охоту. Я остался на пароходе, так как капитан не хотел взять меня с собой, как неопытного человека. Я возражал. Но капитан оставался при своем решении. Пришлось покориться.

В дурном расположении духа я уселся на борту парохода и спустил ноги вниз. Я наблюдал за удалявшейся лодкой. Вдруг корабль сильно накренился, и в одно мгновение я упал в море. Меня охватили холодные волны.

К счастью, я не растерялся. Я быстро вынырнул, ухватился за край плавающей льдины и кое-как выбрался из воды, а затем поднялся на борт парохода.

Этот случай имел для меня тот положительный результат, что капитан, видя, что я все равно принял морскую ванну, согласился брать меня на охоту за тюленями.

На следующий же день я отправился на охоту, но и на этот раз мне не повезло и я снова упал в море. Увидев на краю большой льдины вдали большого тюленя, я решил его убить и отстал от товарищей.

Когда я приблизился к тюленю, то животное, заметив меня, быстро поползло по льду к свободной воде. Я побежал по ровному льду. Добежав до края льдины, я выстрелил в тюленя, но тюлень нырнул и скрылся под водой. Вскоре его голова поднялась над водой около самой льдины, в нескольких десятках метров от меня. Я решил снова побежать по краю льдины туда, где был тюлень.

Вдруг я неожиданно поскользнулся и очутился в воде. Льдина

была гладкая, и я тщетно хватался коченеющими руками за холодный лед. Я стал звать на помощь, но мои товарищи находились далеко от меня и я чуть-чуть видел их черные силуэты на льду.

Между тем, холод сковывал мои руки и ноги. Ледяная вода жгла меня, как огнем. Я с трудом удерживался руками за льдину, но выбраться на льдину не мог. Я чувствовал, что еще несколько минут, — мои руки ослабнут, и я погибну.

Собрав последние силы, я сделал попытку еще раз выбраться из воды. Я стал нащупывать ногами какие-нибудь выступы на льдине, и, к счастью, скоро моя правая нога попала в какое-то углубление. Найдя точку опоры, я напряг все усилия и поднялся на льдину.

Не веря своему спасению, я быстро поднялся и побежал по направлению к пароходу. Вся одежда на мне быстро оледенела и я был как бы в ледяных доспехах. Добежав до парохода, я не был в состоянии сам подняться на борт, и меня подняли товарищи на руках.

Я тотчас же отправился в машинное отделение; там, около котельной топки,

мои ледяные доспехи быстро оттаяли, и я мог заменить их сухой одеждой. После этого я несколько дней был в жару и не мог уже принимать участие в охоте.

В мае месяце наш пароход подвинулся еще дальше на север, к берегам Гренландии, а в июне мы были уже на 80 градусе сев. широты. Здесь часто встречаются киты. Наш пароход медленно подвигался среди пловучих льдин, и капитан со своего мостика тщательно осматривал в бинокль горизонт.

Но нам не везло. Мы плавали около берегов Гренландии уже две недели, а не видели ни одного кита. Наконец, однажды капитан усмотрел далеко на горизонте высокий фонтан поднявшейся воды. Это был кит.

Капитан отдал приказ готовить шлюпки. Вскоре он сам, я и восемь человек матросов были уже в шлюпке, и на веслах отправились по направлению к замеченному киту.

Мы все, кроме гарпунщика, сидели на веслах и усиленно гребли. Гарпунщик зорко всматривался вперед. Иногда он давал знак не работать веслами, чтобы не обратить внимания кита. К киту можно приблизиться только спереди. Его маленькие глазки, посаженные по бокам огромной головы, не могут видеть, что происходит впереди, — у самого, можно сказать, носа.

Можно, конечно, под'ехать также и сзади, но кит, почуявший опасность, может ударом своего могучего хвоста или сразу потопить лодку, или залить ее.

Такой случай, по словам капитана, был в прошлое плавание. Шлюпка с шестью охотниками, неосторожно приблизившаяся к киту, была буквально брошена в воздух могучим ударом тела животного, и только сравнительная близость корабля спасла попадавших в воду матросов, кроме рулевого, оглушенного ударом и пошедшего без сознания ко дну.

Поэтому обычно китобои стараются приблизиться к киту с головы, между глаз, и, подойдя к нему на довольное близкое расстояние, бросают в него острый гарпун.

Мы сидели молча, держа наготове весла и не спуская глаз с гарпунщика. Вдруг его глаза засверкали, лицо оживилось, и он громко крикнул:

— Вперед ребята! Греби сильней!

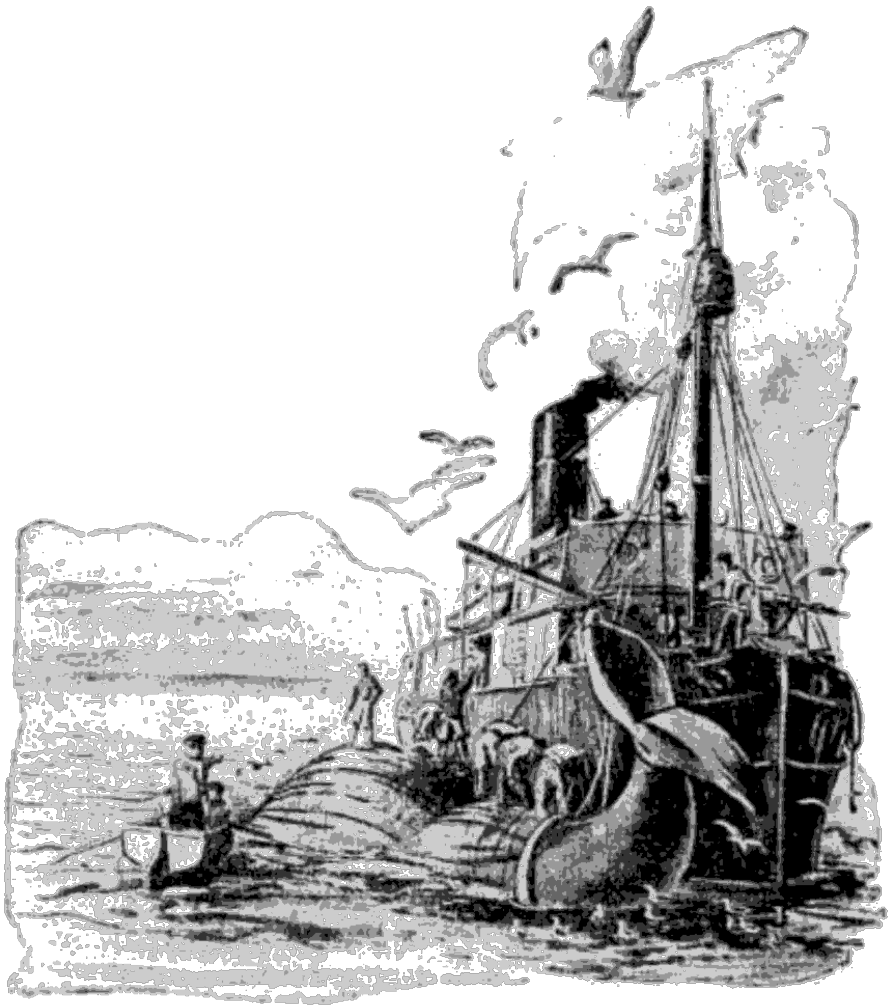
Мы налегли на весла. Лодка дрогнула. Раздался выстрел маленькой пушки, к которой был прикреплен гарпун, и стальная тяжелая стрела прорезала воздух. Вслед за этим быстро-быстро зашевелился сложенный петлями на дне лодки канат, к которому был привязан гарпун. Канат стал уходить за борт в воду.

Мы стали повертывать лодку в об-ратную сторону. От'ехав на

некоторое расстояние, остановились.

Только теперь мы могли посмо-треть, что делается впереди. Перед нами расстилалась гладкая поверх-ность моря. Никакого кита не было видно. Только в нескольких десятках метров от шлюпки на море виднелось небольшое красное пятно, все более и более расплывавшееся. Это была кровь. Она показывала, что стальной гарпун глубоко вонзился в кита, пробил толстый слой подкожного жира, и раненое животное нырнуло в воду.

Между тем, канат со свистом про-должал развертываться на дне лодки, скользил между наших ног и уходил за борт, словно увлекаемый какой-то невидимой машиной. Кит с гарпуном в теле опускался все глубже и, в то же время, уходил дальше от нашей лодки.



Развертывание каната представля-ет большую опасность. Иногда в –

петлю каната попадает нога неловко ступившего матроса, и человек мгновенно увлекается канатом за борт.

Есть только одно средство спасти несчастного, это — быстро перерезать канат. Но это значит упустить добычу. Кит с отрезанной частью каната и гарпуном уйдет куда-нибудь в сторону и там умрет от потери крови. Но это не входит в расчет китобоев. И поэтому, обычно, когда случается такое несчастье и кто-нибудь из товарищей гибнущего и порыве сострадания быстро выхватывает из кармана свой нож и хочет перерезать канат, гарпунщик грубо кричит:

— Оставь! Для вдовы будет рыба!

Жестокое слово! Но жизнь и охота в полярных морях делает человека бессердечным…

Мы все с сильно бьющимися сердцами продолжали смотреть на расплывающееся пятно крови. Канат развертывался все медленнее и медленнее. Наконец, над водою показалась темная спина кита. Он обессилел от потери крови, но в нем еще достаточно силы, чтобы утопить нашу лодку. Но киты очень редко переходят в нападение.

Через несколько секунд кит снова погрузился в воду, но затем опять поднялся. Он пробовал ударять по воде своим хвостом, но, видимо, силы его уже оставляли, и через несколько минут огромная туша кита уже была безжизненна, и тихо покачивалась на воде.

Мы потащили кита на канате, как на буксире, к пароходу, и вскоре наши матросы таскали на пароход целые пласты китового жира.

За весь промысловый сезон мы убили четырех китов, несколько сот моржей и пяток белых медведей.

Плавание в полярных морях, помимо острых ощущений на охоте, дает множество других переживаний. Прежде всего, вас поражает сплошной день без конца. С апреля месяца около берегов Гренландии солнце лишь едва касается края горизонта, чтобы снова подняться. Оно описывает на

небе полный круг. В конце-концов невольно сбиваешься в счете времени.

Обычное распределение суток нарушается. И часто на корабле завтракают ночью, а ужинают в десять часов утра.

Через несколько недель глаза начинают утомляться от этого постоянного света, и тогда только начинаешь ценить мягкую прелесть сумерек.

Странное, давящее чувство испытываешь здесь: ты — одинок,

даже среди многих товарищей, которые, как и ты, оторваны от земли, от миллионов других людей, оставшихся где-то там, в полных жизни городах и деревнях далекого, большого мира… Когда мы охотились за китами, мы не видели несколько месяцев ни одного судна и в течение полугода не знали, что творится на свете.

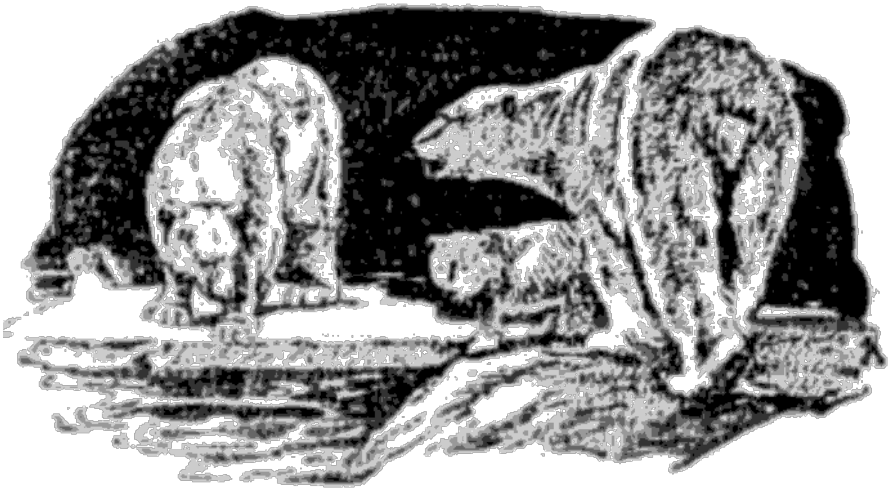
Плавая по пустынным просторам полярных морей, пробираясь в лабиринте ледяных гор и обширных плавающих ледяных полей, — встречаешь среди пустынных ледяных просторов лишь бесчисленных морских птиц — чаек, гагар, каиров, буревестников и десятки других, которые огромными стаями с шумом перелетают с льдины на льдину.

Нередко вы можете видеть на льдинах медленно пробирающихся белых медведей, охотящихся на моржей и тюленей. Белые медведи в поисках тюленей иногда проходят сотни километров. Мне приходилось наблюдать очень остроумный способ охоты медведей на тюленей.

Медведь отыскивает на льдине большую полынью, усаживается около нее и терпеливо ожидает, когда в воде появится голова тюленя, высунувшаяся из воды, чтобы подышать воздухом.

Медведь замечает место, где поднимается голова тюленя, осторожно подходит к этому месту и снова застывает в ожидании. Как только над водой вновь покажется тюленья голова, медведь ловко обхватывает своими лапами и вытаскивает тюленя на лед, где и пожирает добычу.

Полгода, проведенные мною в полярном море, оставили на мне неизгладимый след. Я прожил эти полгода словно в какой-то зачарованной стране, как будто во сне.



Я уехал в эту необычайную страну неопытным юношей, неуверенным в себе, а вернулся закаленным взрослым человеком, привыкшим к опасностям и суровому образу жизни.

Чистый бодрящий полярный воздух влил в меня новые силы, и я думаю, что значительную долю той энергии которой я обладаю, я получил именно в моем первом плавании на север.

Вместе с здоровьем, я привез на родину и довольно значительную сумму денег — всего около 50 фунтов стерл. (ок. 500 руб.), что для меня составило целое богатство.

Вернувшись осенью 1880 года в родной Эдинбург, я с жаром принялся за свои медицинские науки, без особого труда выдержал весной 1881 г. выпускной экзамен и получил звание лекаря.

Так я начал свою житейскую карьеру.
[1]

notes

Примечания

1

Источник текста: 1928 — ж. "Вокруг света" N 17 (М.: ЗиФ), с.270.